

Елизавета
Дворецкая

КНЯГНЯ ОЛЬГА.
НЕВЕСТА ИЗ ЧАЩИ

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Д24

Дворецкая, Е.

Д24 Княгиня Ольга. Невеста из чащи / Е. Дворецкая. —
М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. —
454 с. — (Миры Елизаветы Дворецкой)

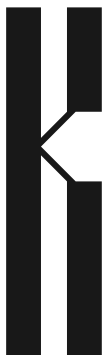
ISBN 978-5-517-02413-8

Эльга, дочь варяжского воеводы и псковской княжны, семилетней девочкой оказалась вовлечена в борьбу правящих родов южной и северной Руси. Родня хочет устроить ее жизнь по древним обычаям, но племянница Олега Вещего не из тех, кто подчиняется чужой воле. Сама избрав свой путь, Эльга отправляется в Киев — туда, где ждет ее наследство прославленного дяди и еще незнакомый жених. Но успех достанется ей недешево, и путь к нему отмечают сломанные судьбы близких, оскверненные святыни и пролитая кровь...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-02413-8

© Елизавета Дворецкая, текст, 2020
© Софья Потоцкая, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Глава 1

Когда умер стрый наш Хельги, нам с Эльгой было по семь лет. Мы его совсем не знали, да и наши отцы, его младшие братья, не виделись с ним уже лет десять. Он жил очень далеко на юге, в Киеве, и весть о его смерти до нас дошла только через полгода, когда установился санный путь и торговые гости тронулись в обратную дорогу. Нам привез эту весть Гремята, брат моей матери, что ездил в этот раз с товарами в Киев. И это, несомненно, была правда: в подчиненных руси из Киева землях уже объявили, что дань этой зимы заберут в следующую.

Наши матери оделись в «печаль», и княжий двор в Плескове тоже, хотя не в такую глубокую: князю Судогостю далекий Хельги киевский, которого здесь называли Олегом, по прозвищу Вещий, приходился всего лишь сватом. Но на поминальный пир Судогость, конечно, к нам приехал и привез всех своих сыновей. Из Выбут за рекой прибыли родичи моей матери, пришли многие из окрестных старейшин: просторная изба стрыя Вальграда была полна. Наши матери наварили ячменной каши с медом и без соли, наготовили ржаного и овсяного киселя, напекли блинов. По обычаю плесковичей, на стол поставили миску и ложку для покойного, положили горячей каши, чтобы дух угощался

паром. Домолюба Судогостевна, как старшая невестка, поклонилась в закатную сторону и пригласила умершего к столу:

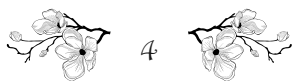
*Приходи, да родный брателко,
Приходи да меду пити,
Меду пити да поести.
Да поидеши ты не дороженькой —
Темным лесом да болотом...*

И тот, кто за долгую свою жизнь овладел многими землями, утвердился на столе старых полянских князей Киевичей, взял добычу из самого Греческого царства, привез из-за моря столько золота, узорочья, дорогих сосудов и цветных паволок, что цветное платье не вмещалось в лодьи и свисало через борта — теперь довольствовался струйкой пара над тремя ложками горячей каши и парой блинов. Правда, лежало угощение на красивом греческом блюде, где по желтому полю нарисованы были две бурые птицы с синими перышками — из Олеговой же царьградской добычи. Он сам когда-то прислал его младшим братьям среди прочих даров.

Детям в поминальном пиру участвовать не полагалось, но отцы разрешили нам остаться в избе.

— Ваш стрый Хельги прославил наш род, — сказал Вальгард, Эльгин отец и старший брат моего отца. — Вам повидать его не довелось, но этот день вы запомните накрепко — будете до старости о нем детям и внукам рассказывать.

Не все из нас к тому времени достаточно подросли, чтобы и впрямь что-то запомнить. Старшей среди нас была тринадцатилетняя Вояна — дочь Домашки от ее первого мужа, а младшим — мой родной брат Кетька: его только той зимой отняли от груди и отдали под мой присмотр. Кроме него, родной брат у меня был один — Аська. Ему исполнилось девять, он еще иногда играл с нами, но чаще поглядывал в сторону хирдманов. Зато у Эльги, кроме Вояны, были еще две младшие

сестры — Володейка и Беряша, и двое младших братьев. Я, единственная в нашей семье дочь, сколько себя помню, постоянно бегала к двоюродным сестрам. Особенно близки мы были с Эльгой: мы родились в один год, росли и всему учились вместе и были неразлучны, как две руки одного тела.

И вот мы, все девять голов, лежали на полатях и прислушивались к разговорам внизу. Было боязно: мы слышали, что покойный стрый придет принимать угощение, но не знали, увидим ли мы его и очень ли будет страшно. Повеет ли на нас стужей? Упадет ли на лицо холодная слеза невидимого гостя? Застучит ли лавка, скрипнет ли дверь? Знакомая изба, сплошь увешанная белыми поминальными рушниками, стала новым и неудобным местом; казалось даже, будто все мы ради памяти Олега перенеслись этим вечером в Навь. Наверное, он был колдун; не даром же его там, у полян, прозвали Вещим.

Но пирование за столом из двенадцати блюд шло буднично, разве что хлеб не резали, а ломали. Мой отец и стрый Вальгард рассказывали о юности своего брата, о предках, о походах и подвигах. Он был старше их обоих на много лет, и отчасти они смотрели на него как на отца. Что и говорить: никто иной из нашего рода не достиг столь многого. В его честь Вальгард назвал свою старшую дочь. К тому времени Олег уже давно правил землей полян, и даже старые наши князь и княгиня не возражали, чтобы их внучка получила варяжское имя.

— И кто же теперь будет в Киеве сидеть? — спрашивали старейшины. — У Эльга же сыновей никого не осталось?

Все вопросительно смотрели на наших отцов, а те качали головами. В одном мудром Олегу изменила удача: ему пришлось пережить своих сыновей. Говорили, их у него было четверо, но к нам ни один ни разу не показывался. Трое погибли в походах, а самый младший, Рагнар, умер от лихорадки. Люди говорили, такова была цена Олеговой удачи. Судьба ведь ничего не дает даром, и если она позволила человеку возвыситься

больше, чем он мог ожидать, расплачиваться за это придется его потомству.

— Новым князем кияне Элегова внука признали, от дочери его, — сказал Гремята. — Его тоже Олегом зовут. Он и по отцу княжьего рода — так кому же, как не ему? Киевские бояре за ним поехали в Холм-град.

— Но он же дитя еще? — Судогость посмотрел на нас, будто сравнивал.

— Нет, княже, ты забыл, как быстро время идет, — возразил тестю Вальгард. — Олегова дочь вышла за Предслава, беглеца из земли моравской, лет двадцать назад, и сын их давно взрослый. Может, успел и правнуков брату моему нарожать.

— В Холм-граде его женили, мы слышали? — заметил выбутский старейшина Доброзор, наш с Аськой и Кетькой дед по матери. — Без жены его в Киев не отпустят.

Глядя с полатей на родичей и гостей, на блюда, чаши и рога, слушая разговоры, мы еще мало что понимали. Наш двоюродный племянник — взрослый мужчина, недавно провозглашенный киевским князем, — рисовался нам весьма смутно. В наши головы тогда даже мысли не приходило, что нам суждено когда-нибудь с ним повидаться.

В конце пира Домаша отошла к двери и ответила за покойного, кланяясь из тени:

— Я с вами да насиделся,
Да на вас да нагляделся,
Я всего да накушался,
Да спасибо вам за все,
Да живите да не ссорьтесь.
А мне пора да восвояси,
Восвояси, да в темну могилку.
Далека да моя дороженька —
По темному лесу, по болоту...

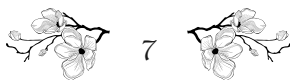
И вот тут нас пробрала дрожь: в голосе Эльгиной матери мы и правда услышали гостя из Нави. Следя за ней, мы затаили дыхание и прижались друг к другу потеснее.

На другой день остатки поминальной стрawy опустили в реку, «печальные» рушники убрали со стен, жилье приняло привычный вид. Жизнь пошла по-прежнему, и мы обо всем этом забыли. Казалось, далекий и неведомый Олег Вещий бросил на нас пристальный взгляд из Закрадьи и снова скрылся навсегда.

И лишь много времени спустя мы поняли, как прав был Вальгард, когда велел нам получше запомнить этот день.

До молодого Олега Предславича — того человека, чьей смерть Олега Вещего затрагивала сильнее всех, — важная весть добралась еще позже.

Нынешняя зима оказалась щедра на метели. Немало дней миновало, прежде чем киевский обоз дополз до берегов Ильменя. Обогнул замерзшее озеро, миновал несколько поселений и наконец притащился к истоку Волхова, где высился городок — столица здешнего края. Когда-то тут стояла словенская весь под названием Холм, обиталище оратаев-земледельцев, но уже века полтора как на этом месте обосновались варяги. Они стремились навстречу потоку серебряных шелягов из далеких сарацинских стран, и здесь было удобно, не отклоняясь от торговых путей, обменивать железо и бронзу из Свеаланда на шкурки куниц и бобров. Этот товар потом везли на Волгу, в Хазарское царство и еще дальше — на Гурганское море, а взамен доставляли серебро для украшений, узорные шелковые ткани, расписную посуду, яркие бусы из разноцветного стекла или камня. Всякое лето на корабельной стоянке у Волхова дымили костры, порой возле них сидели кучками понурые пленники — тоже товар немалого спроса в сарацинских странах. Местные жители,

завидев эти дымы, съезжались предложить свой товар в обмен на привезенный.

Более полувека назад сюда перебрался из Ладоги Тородда конунг и возвел укрепления. С тех пор поселок стал называться городом и получил имя Хольмгард — «город на острове», ибо помещался между Волховом и его рукавом и по весне иногда оказывался отрезан от суши разлившимися водами. Хольмгард заметно отличался от других городцов Поозёрья и Приильменя, где уже несколько веков сидели старинные словенские роды. Стены из засыпанных земель срубов не опоясывали вершину холма или мыса, а полумесяцем огибали часть берега, где когда-то лежали вытащенные на сушу корабли и стояли шатры первых варягов на волховском пути.

С появлением здесь Тородда наконец прекратились набеги на Приильмень с моря: его дружина всегда была готова взяться за оружие и защищала окрестные поселения успешнее, чем худо вооруженные и долго собираемые ополчения. Закончились столкновения между торговыми гостями и жителями: Тородда обеспечивал на месте торгового мира и соблюдение обычаев, установленных для всех подобных мест по берегам Варяжского моря. Тородда стал брать со словен дань, с проезжающих он взимал десятину за постой, за право прохода и за охрану на пути через Ильмень. Со временем Хольмгард разросся и уже не помещался в старых укреплениях; его кузнецы и прочие умельцы снабжали своими изделиями всю округу. Ныне он был самым сильным и влиятельным из трех варяжских городцов в Поозёрье. Свой род его хозяева возводили к легендарному Харальду Боезубу и потому имели право на королевский титул.

Во времена сына Тородда, Хакона, через эти места прошел с дружиной на юг Хельги сын Асмунда. На среднем Днепре он создал свою державу, где прославился под именем Олега Вещего. При нем открылся путь из Поднепровья в богатое Греческое царство. Тогда же оба владыки, с верхнего и нижнего конца Пути Серебра, заключили между собой договор о дружбе и сво-

бодном проходе торговых обозов. Каждый из двух властителей, южный и северный, отдавал своего наследника в дом другого: молодые люди служили заложниками мира, а заодно привыкали видеть в соперниках своих друзей. И родичей, поскольку жену им, по обычаю, подбирали здесь же.

Сейчас в Хольмгарде правил Олав, внук Тородда. В юности он несколько лет прожил у Олега Вещего в Киеве и там получил свою первую жену, Гаутхильд. От второй жены Сванхейд, внучки конунга свеев, у него родилось одиннадцать детей, однако пятеро умерли совсем маленькими, и растила королева только шестерых.

Уже шесть лет в Хольмгарде жил Олег Предславич, внук Олега Вещего. В обмен на него Олаву пришлось отправить в Киев своего наследника. Старшему из живых сыновей, Ингвару, к тому времени исполнилось всего четыре года. Он и уехал на юг, сопровождаемый воспитателем, Свенельдом, и Свенельдовым сыном Мистиной, своим товарищем.

Приняв в доме четырнадцатилетнего Олега, Олав предназначил ему в жены свою дочь Альвхильд, на год старше него. Замысел не удался: Альвхильд умерла в ту же зиму. Следующей по возрасту дочери, Мальфрид, тогда было всего одиннадцать, и лишь пару лет назад королева Сванхейд наконец дала согласие на свадьбу.

Жена и принесла Олегу-младшему первую весть о перемене в их общей судьбе.

Ранним зимним утром, пока Олег еще спал, Мальфрид встала и среди глухой синей тьмы ушла в коровник присмотреть за служанками. Однако она вернулась почти сразу и положила холодную ладонь на голову мужа:

— Хельги! Проснись! — Она говорила на северном языке, как было принято в Хольмгарде, хотя знала и словенский. — Случилось кое-что! Это важно!

Мальфрид принесла горящую лучину и зажгла масляный светильник. По избе разлился тусклый желтоватый свет. Мо-

лодая женщина поставила светильник на ларь: стала видна медвежья шкура на бревенчатой стене, резные, по северному обычаю, столбы лежанки. Для подушек Мальфрид сама собирала минувшей осенью пух с бурых початков рогоза, а льняное плотно для наволочек и настильничков спряла и соткала еще до замужества.

— Что там такое? — Олег повернулся и заморгал, щурясь на свет и прикрывая глаза рукой. — Твоя любимая корова заболела?

— Нет, нет.

Мальфрид села на край лежанки возле мужа. Для хлопот по хозяйству она надевала простой овчинный кожан; от него пахло зимним холодом и хлебом. Румяное от стужи лицо Мальфрид было непривычно сурово.

— Это намного важнее. Там пришел один человек, рыбак... Он сказал: вчера к нему заходил его зять и рассказал... с юга идет обоз из Кенугарда, и там люди, они едут к тебе. Они говорили... Это сказал тот рыбак, а ему — его зять... Якобы на том берегу уже все знают...

— Ну, так в чем дело? — Олег сел, удивленный таким длинным запевом. — Я ничего не понимаю.

— Они говорят, что в Кенугарде умер твой дед, Хельги сын Асмунда! — решила наконец Мальфрид и замолчала, давая мужу время осмыслить новость.

Теперь Олег понял, почему жена зашла так издалека.

Он потер лицо ладонями, пригладил темно-русые волосы. Весть была слишком важна, чтобы вот так сразу ее принять. То, о чем болтают рыбаки и жители прибрежных весей, еще не обязательно правда, это может быть пустой слух. Но все же... Чему удивиться: дед был очень стар, мало кто живет так долго. За несчетные годы все привыкли к мысли, что смерть о Вещем позабыла или боги за доблесть вознаградили особо долгим веком — прожил же Харальд Боезуб сто пятьдесят лет! Уже казалось, и Олег-старший будет суще-